

Раскинувшаяся на пороге нескольких ущелий, на пересечении внутренних осетинских дорог и международных перевальных путей, солнечная Зарамагская долина была населена издревле. К концу бронзового века, во II тысячелетии до н.э., как показывают археологические памятники, Зарамаг демонстрирует высокую плотность населения и полное освоение земельных угодий, пригодных для ведения хозяйства: расположенных на ближайших склонах пашенных террас и прилегающих к долине альпийских пастбищ. Кавказ в бронзовом веке входил в число немногих цивилизационных очагов человечества – самые известные свидетельства такого статуса зафиксированы в религиозно-мифологических традициях древних греков (прикованный к кавказской скале Прометей) и древних евреев (Ноев ковчег, приставший к Арарату). Одной из мировых технологических и художественных вершин эпохи поздней бронзы и раннего железа признана знаменитая Кобанская культура. Материалы кобанского могильника и поселений в Зарамагской долине дают надежное свидетельство того, что уже на рубеже II и I тысячелетий до н.э. Зарамаг превратился в один из культурно-хозяйственных и социально-политических центров региона.

Транзитное и военно-политическое значение Зарамагской долины особенно возросло в VIII-VII вв до н. э., в период скифских походов в Переднюю Азию. Освоение жившими на Предкавказской равнине скифами перевальных дорог, создание в горах постоянных гарнизонов, политический контроль над кобанской территорией, освоение скифами достижений кобанской культуры, хозяйственное и военное сотрудничество через несколько столетий привели к ассимиляции кобанцев в скифской среде. Сарматское завоевание скифо-кобанской родины, состоявшееся в III-II вв. до н. э., лишь утвердило закрепившуюся за Зарамагом роль стратегического пункта и важнейшего геополитического рубежа. Самым ярким примером живучести скифского этнонима является распространенное на осетинском Севере единое название высокогорной (Центральной) и закавказской (Южной) Осетии и всех выходцев из этих районов – «Кудар» (от самоназвания скифов «скуд» и имени их страны «Скудар»). Именно так уже более двух тысяч лет называется область, куда победители-сарматы оттеснили своих покоренных родственников – скифо-кобанских старожил. Северной границей этой области, ее началом и рубежом до наших дней остается Зарамаг.

Этноним «аланы», документируемый с I в., и название страны «Алания», впервые встречаемое в текстах II в., скоро покрыли все скифо-сарматское население Кавказа. Быстрое распространение и последующая неизменность имени «аланы» объясняется его происхождением и смыслом: «alan» (в современном осетинском «allon») является закономерным для скифо-сарматского языка фонетическим оформлением древнего общего самоназвания – «aryana». В раннеаланское время, в первые века новой эры, и затем, в эпоху Великого переселения народов, значение Зарамага вновь прежде всего военное – это крепость, позволяющая контролировать перевалы, жизненно

необходимые для активной политики в Закавказье, для сохранения суверенитета аланских царей в сложных коллизиях международной политики – между гуннами или аварами, Ираном и Византией. Защищенная горными хребтами и оборонительными укреплениями, Зарамагская долина была еще и хозяйственной гарантией выживания в самые суровые годы, когда цари Алании вынуждены были покинуть равнину. Памятником этой эпохи служит Цмийское аланское поселение I тысячелетия.

В средневековой Алании стратегическое значение и политический статус Зарамага подчеркивался его включенностью в царский домен. Территория, принадлежавшая клану аланских «цезарей», носивших родовое прозвание Царазонта (от титула римских императоров, как «царь» и «цесаревич» в России) с юга была прикрыта Зарамагской крепостью. Плодородными землями долины и альпийскими лугами владели семьи царского клана, контролировавшие дороги на Рукский, Мамисонский, Зикарский и другие перевалы. Потомство этих семей осталось хозяевами Зарамага и после событий XIII-XIV вв., разрушивших Аланскую державу.

Все полтора века татарского господства Зарамаг оставался неприступной крепостью независимой высокогорной Алании, ставшей нейтральной зоной между двумя империями, созданными монгольскими завоевателями. На севере от Кавказа – это Золотая Орда, включившая всю аланскую равнину, а на юге – государство Хулагидов с землями Ирана и Закавказья.

Среднеазиатский эмир Тимур, победивший и вытеснивший ордынских татар с Кавказа, заодно превратил аланские земли в пустыню. Три века так называемого «позднего средневековья» в истории Алании-Осетии – XV-XVII вв. – это период борьбы за выживание и новое объединение страны, распавшейся на отдельные земли-общества. Зарамагу с его стратегическим положением и тысячелетними традициями вновь досталась центральная роль в военной и общественно-политической истории народа. На первом этапе – в ходе становления и междоусобной борьбы гражданских общин – Зарамаг превратился в северную столицу высокогорной Центральной Осетии, включавшей крупнейшую по осетинским масштабам область Туалта, простирающуюся на юг (общество Урс-Туалта) и север (общество Туалгом) от Главного хребта. При этом престижное «царское» происхождение зарамагцев позволило им опираться на поддержку за пределами Осетии – в том числе на традиционные родственные связи с грузинской династией Багратиони, которая с XIII в. по мужской линии также принадлежала к аланскому клану Царазонта.

Крупнейшей военной победой, утвердившей место Зарамага в осетинской жизни XVII

в., стала эпопея сопротивления завоевательному походу иранского шаха Аббаса I. Отпор, оказанный осетинами под стенами Зарамагской крепости, заставил завоевателей ретироваться. Народная оценка этих событий отражена в пословице «Даже шах отступил от Зарамагского утеса». Нет сомнения, что главным результатом этой войны стал окончательный переход осетинских обществ к конфедеративной форме единства, полностью сохраняющей независимость друг от друга, но дающей постоянную основу для военных и политических контактов.

Характерно впечатление, которое Зарамагская долина с утесом-цитаделью производила на русских дипломатов, в конце XVI в. останавливавшихся здесь на пути в Закавказье. В их отчетах Посольскому приказу Зарамаг описан как большой город с широко раскинувшимися кварталами многоярусных строений – настоящая горная столица.

К середине XVIII в., когда собравшаяся с силами конфедерация осетинских обществ установила дипломатические отношения с Россией, не только Зарамаг, но и весь Туалгом, к которому он принадлежал, находились в эпицентре объединительных процессов. Традиционный контроль за ключевым для Осетии узлом перевальных дорог превратился в функцию «собрателей осетинской земли» – посредников в укреплении связей между разрозненными обществами. Представители туалской элиты выдвинулись на роли национальных лидеров и в этом качестве приобрели международный авторитет. У Зарамага вновь особая роль – здесь скрываются преследуемые врагами грузинские цари, здесь останавливаются нуждающиеся в покровительстве иностранные дипломаты и торговцы, сюда съезжаются посланцы со всех краев Осетии. А влияние Зураба Магкати, принадлежащего к семье владетелей Зарамагской крепости, известно повсюду на Кавказе – об этом недвусмысленно заявляют в ответ на запрос российского правительства кабардинские князья, которые в XVIII в. господствовали на северокавказской равнине.

Зарамагу Зурабу Магкати из древнего клана Царазонта выпала судьба возглавить движение за присоединение Осетии к России и руководить осетинским посольством в Петербурге, которое в 1749-1752 гг. определило политические перспективы Осетии. Зураб Магкати и его сын Канамат, выполнявший при отце официальную роль служителя и умерший вскоре после возвращения посольства на родину, похоронены в Зарамаге, в ограде средневекового храма. И бережно восстанавливаемый родственниками и земляками храм-святилище, и могилы выдающегося национального героя и его сына, и остатки фамильного замка, и весь Зарамагский утес давно превратились в символ политического единства Осетии и нерушимости ее союза с Россией, в символ мудрости предков и святости их исторического выбора.

По старой советской традиции, историческое и культурное значение Зарамага в памяти и жизни Осетии не интересовало тех, кто планировал строительство так называемого Транскама – дороги, на большем своем протяжении повторяющей Военно-Осетинскую, но намеренно и ненаходчиво переименованной – будто все другие перевальные дороги перестали быть транскавказскими магистралями. В этом переименовании – квинтэссенция неуважения к Осетии, желание унижить народ подчеркнутой унификацией, выкорчевыванием самого имени его из значимой общегосударственной терминологии. Точно так же игнорировали Зарамаг и всю Осетию те, кто проектировал и начинал строить Зарамагскую ГЭС – среди них были и собственные сановные вандалы и заезжие варяги. Затем последовали пункт пограничного пропуска и таможня, к которым недавно добавились военные лагеря.

За величие надо платить: ясно, что роль Зарамага в осетинской истории и современные объекты, разрушающие культурные свидетельства этой роли, связаны напрямую. Те, кто сегодня располагает дороги, таможни, пограничников и военных, исходят из правильной – тысячелетиями подтверждаемой – оценки геополитического, стратегического, коммуникационного значения Зарамага. Не достает всегда одного и того же – культуры. Конечно, и в этом нет ничего странного – культуру не купишь, она накапливается веками, и потомки современных варваров ее обязательно накопят. Только вот у нашей родины – у Осетии, у России – нет времени ждать, слишком велик риск вернуться к каменному веку, разрушая именно то, что не очень надежно отделяет от него современное человечество.

Хотелось бы надеяться, что Осетия вместе со всей Россией постепенно выходит из тупика первобытного беспамятства, а значит – в государственном аппарате и экономике возрастает число культурных людей, то есть тех, кто способен брать в расчет прошлое и будущее – тех, кто понимает для чего необходимо исполнять Закон